

В. С. Магун

ЦЕННОСТНЫЙ РЕВАНШ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Мне хотелось бы обратить внимание собравшихся на три ключевых слова, звучавшие сегодня в выступлениях Ю.А. Левады, А. Береловича и Б.В. Дубина - "интеллигенция", "ценности", "массы". С их помощью, действительно, можно описать и понять векторы сегодняшних культурных сдвигов в российском обществе. Я попробую показать взаимосвязи этих трех категорий на материале трудовых ценностей, занимающих одно из центральных мест в нашей культуре.

Анализ нормативных текстов периода "развитого социализма" (источниками служили учебные пособия по политэкономии социализма) позволил выделить две оси, две системы оппозиций, в пространстве которых строилась официально санкционированная система трудовых ценностей. Первая из них - это противоположность "материального" и "духовного", т.е. инструментального отношения к труду как к источнику средств для потребления (прежде всего "материального") и отношения к труду как к самостоятельной ценности, приносящей человеку удовлетворение самим своим процессом и его непосредственными результатами ("коммунистическое отношение к труду", согласно официальной доктрине). Вторая ось - это противоположность индивидуального и общественного, то есть труда ради общественного блага и ради удовлетворения собственных интересов работника.

Всем присутствующим, конечно, ясно, что в рассматриваемой системе координат официальная социалистическая идеология одобряла полюс "духовности" в первой паре оппозиций и полюс общественного блага во второй. Но вот что примечательно, - и именно ключевые слова сегодняшних докладов заставили меня осознать это обстоятельство - идеологически санкционированными трудовыми ценностями при социализме были, оказывается, ценности, характерные для образованного класса, для интеллигенции.

Действительно, прежде всего люди квалифицированного труда ценят труд как таковой, возможность самореализации в нем, ибо их работа такую возможность реально предоставляет. Известно также, что благо других людей, благо народа - это, по выражению С.Л. Франка, традиционный "символ веры русского интеллигента" [см.: С.Л. Франк. Этика нигилизма. (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) - В кн.: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 174] И вот удивительным образом получилось, что хотя сама

интеллигенция была в достаточно сложных отношениях с властью, некоторые ее ценности оказались весьма подходящими, выгодными для властей и официально санкционировались как обязательные для всех групп занятого населения. Таким образом, ценности сравнительно немногочисленной группы населения навязывались всем.

У меня есть основания говорить о навязывании, поскольку эмпирические данные, полученные в середине 70-х годов, показывают, что уже в тот период для наиболее массовых групп занятого населения реально приоритетными были не духовные, а вполне материальные ценности, и лидирующей среди них была ценность высокого заработка. (Мы опираемся на неопубликованные результаты исследования рабочих 12-ти промышленных предприятий Ленинграда, проведенного в 1976г. под руководством В.А.Ядова.) Я думаю, что подобный конфликт между навязываемыми извне "высокими" ценностями и ценностями реально значимыми для широких слоев населения существовал и в других сферах жизни - например, в сфере свободного времени, в художественных вкусах, в образовании и т.п. И вот те ценностные изменения, которые произошли в последние годы и происходят сегодня, и о которых говорили здесь Ю.А.Левада, А.Берелович и Б.В.Дубин, это, в частности, бунт против того давления на людей, навязывания им элитарных ценностей, которое имело место в течение нескольких десятилетий.

Прежде всего, если иметь в виду первую пару оппозиций, мы наблюдаем сегодня реванш материальных потребностей против духовных, тела против духа, телесного "низа" против "верха". Понятно, что в этом общем победном наступлении участвуют вместе с другими побуждениями и вырвавшиеся на волю сексуальные импульсы, и агрессивные инстинкты. В рамках второй пары оппозиций, тоже резко изменились, просто перевернулись социально санкционированные приоритеты: следование частному, личному интересу обладает сегодня гораздо более высоким престижем, чем следование общественному. Меняется стиль осознания человеком самого себя и предъявления себя окружающим. Что такое, с этой точки зрения, реклама, которую мы в таких количествах сегодня видим и слышим? Это же каждые тридцать минут рядовые граждане и созданные ими предприятия хвалят себя, рассказывают другим о своих достоинствах и преимуществах, одновременно давая понять, что скромность больше не является одной из лучших черт характера советского человека.

Указанные изменения сопровождаются также социальной реабилитацией денег и личного богатства и превращением их в ценностные доминанты населения. Понятно, что это необходимое условие "материализации" и приватизации ценностной сферы человека.

Ценностный реванш, как и всякий другой, идет, конечно, с огромным перехлестом. Но как бы мы ни относились ко многим его проявлениям (а они, порой, просто чудовищны),

мы должны понять логичность, неизбежность, а в каком-то смысле и правомерность подобных культурных изменений. Их психологическим механизмом часто является осознание людьми своих ценностей и импульсов, которые в течение многих лет были просто вытеснены из сознания. В том числе и из сознания интеллигенции, и для нее сегодня тоже характерны описанные выше векторы ценностных изменений.

Все, что говорилось выше, относилось прежде всего к целям и результатам. Но радикальные изменения происходят и в отношении к способам и стилям достижения жизненных целей. Как показывают наши исследования выпускников школ, одновременно с ростом потребительских притязаний в прямо противоположном направлении изменилась готовность молодых людей преодолевать различные трудности на пути их достижения (См.: В.С. Магун, А.З. Литвинцева. Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е годы. М. 1993.) Сходные по смыслу результаты получены Ю.А.Левадой при сравнении ответов российских граждан на один и тот же вопрос - "Что нужно, чтобы добиться успеха в жизни?" - в 1988 и в 1992 годах. Как оказалось, и у взрослого населения частота ответов "упорно и целеустремленно работать" резко - с 45 до 32 процентов - снизилась. Одновременно столь же резко возросла частота двух других ответов - "уметь вертеться" и "иметь связи с нужными людьми" (См.: Ю.А.Левада. Векторы перемен: социокультурные координаты изменений. - В кн.: Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Выпуск 3. М., 1993, с.5 - 9.) Таким образом, распространенной ценностью становится высокая индивидуальная эффективность деятельности, и в частности достижение более высоких потребительских стандартов ценой меньших трудовых усилий и тягот.

И здесь тоже в глаза бросаются не столько нормальные, сколько девиантные формы проявления данного сдвига: распространение мошенничества, полуправильных и нелегальных форм приватизации собственности и т.п. Но это лишь крайние (и, к сожалению, уродливые) формы естественного реванша ценностей индивидуальной эффективности, которые были десятилетиями задавлены "затратной" идеологией и моралью, требовавшей от человека упорного труда и высочайшей самоотдачи и в то же время подавлявшей большинство его естественных потребностей и предлагавшей лишь минимум благ для их удовлетворения. Иными словами речь идет о реванше интенсивных индивидуальных стратегий по отношению к доминировавшим прежде экстенсивным.

Ярким символом новых ценностей стало одно из самых распространенных сегодня в России технических новшеств - я имею в виду тележки на колесах для перевозки небольших грузов. Это простое устройство как раз и обеспечивает возможность более эффективной деятельности, которая к тому же чаще всего направлена на удовлетворение индивидуальных

материальных интересов. Замечательно, что в этом предмете, основной деталью которого является вертящееся колесо, воплощен одновременно и метафорический, и буквальный смысл популярной сегодня жизненной позиции "уметь вертеться". Остается только пожалеть, что в анкетной формулировке, идущей из прежней эпохи, она выражена в терминах, имеющих отрицательную моральную окраску.